
ЗАХАРОВ Т.В.¹ К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (Обзор)

Аннотация. В обзоре представлены позиции российских и зарубежных ученых по отдельным вопросам обеспечения безопасности государства и мирового сообщества, тенденции изменения международного права и развития международной системы безопасности и межгосударственного взаимодействия. Раскрываются особенности международно-правовой концепции «национальная безопасность» и концепции «платформенной сетевой модели» сотрудничества государств.

Ключевые слова: международное право; международная безопасность; национальная безопасность; коллективная безопасность; сотрудничество государств.

ZAKHAROV T.V. On the Transformation of the International Security System (Review)

Abstract. The review presents the positions of Russian and foreign scientists on certain issues of ensuring the security of the state and the global community. It examines the trends in the development of international law and the international security system, as well as the features of the international legal concept of “national security” and the concept of a “platform-based network model” of state cooperation.

Keywords: international law; international security; national security; collective security; State cooperation.

Для цитирования: Захаров Т.В. К вопросу о трансформации системы обеспечения системы международной безопасности (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литерату-

---

¹ Захаров Тимофей Владимирович, научный сотрудник отдела правоведе-ния ИНИОН РАН.

Введение

Система обеспечения безопасности государства и мирового сообщества находится сегодня в условиях множественных кризисов в межгосударственных отношениях. Глобальные проекты мироустройства сталкиваются с потребностями государств в обеспечении национальной безопасности как условия реализации их национальных интересов. Как следствие, происходит интенсификация регионального и субрегионального взаимодействия государств. В условиях деградации многих прежних соглашений о международной организации взаимодействия, государства ищут новые основы и формы сотрудничества.

Современные кризисы в межгосударственных отношениях

«В условиях нарастания глобальных вызовов и угроз особую остроту, как отмечает А.Я. Капустин, президент Российской Ассоциации международного права, приобрели кризисные ситуации, в которых отражаются отклонения от эволюционного развития государства и права, с ростом достижений цивилизации наблюдается неуклонное увеличение бедствий» [3, с. 43]. Затрагивающие сферу международных отношений кризисы вызываются как естественными причинами (погодными аномалиями, такими как пожары, наводнения, землетрясения, ураганы, и иными стихийными бедствиями), человеческим фактором (техногенные катастрофы), так и политическими причинами (акты терроризма, межгосударственные конфликты) [3, с. 43].

Среди причин современных кризисов в межгосударственных отношениях ученые называют: крах биполярной системы международных отношений и однополярное господство США в международной системе. Так, профессор Р.И. Мюллерсон считает, что в современном состоянии международная система представляет собой геополитическую конфигурацию мира, имеющую тенденцию «... рывками продвигаться к своего рода многополярности» [14, р. 377]. Ю.Н. Саямов, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, говорит о провале англосаксонской геополитической концепции глобального доминирования в результате

консолидации мирового большинства на принципах суверенного равенства государств и независимого, отвечающего их национальным интересам развития [9, с. 45].

Мир от глобальной конфронтации удерживала Ялтинско-Потсдамская система международных отношений. Попытка создать на ее основе всеобщую систему международной безопасности дискредитировала себя в том отношении, что число открытых внутренних и международных вооруженных конфликтов, начиная с 1945 г., может быть по-разному оценено, однако данное число есть и условий его отсутствия нет. Тем не менее также следует признать, что сформированный в период принятия Устава ООН макет мироустройства стал цивилизационным достижением – следствием ужасов двух мировых войн, попыткой избавить будущие поколения человечества от угрозы их повторения [2, с. 46].

Влияние политических форм межгосударственного взаимодействия на состояние международной системы

В науке по-разному оценивается современное цивилизационное развитие государств, и выделяются тенденции изменения международной системы. По мнению Р.И. Мюллерсона, «Тенденция к концентрации власти, будь то в экономике (склонность к монополизации при отсутствии регулирования) или в политике, по-видимому, является общим правилом общественной жизни. Такая тенденция ведет к “сверхцентрализации” власти» [14, р. 384].

При этом автор подчеркивает, что «Любая власть без противодействия имеет тенденцию становиться абсолютной, независимо от того, происходит ли это внутри государства или за его пределами, если нет другой власти (полномочий), которая могла бы ее сдерживать; закон сам по себе не является достаточной гарантией от таких тенденций. Кандидат на диктатуру всегда может изменить конституцию в свою пользу, если нет никого достаточно сильного, чтобы бросить ему вызов, а власть, которая доминирует на международном уровне, способна “интерпретировать” или переписать международное право в соответствии со своими собственными интересами, если нет другой силы, способной оказать сопротивление. Таким образом, право (закон) становится просто фасадом, призванным скрывать чистые отношения власти» [14, р. 384].

Сегодня существует фундаментальная несовместимость между гиперглобализацией, с одной стороны, и демократией и на-

циональным суверенитетом – с другой, пишет Р.И. Мюллерсон. Процесс глобализации, подчеркивает он, выявил и обострил не только противоречие между демократией и национализмом, идеал которого воплотился в концепции национального государства и на основе которого возникла и эволюционировала современная демократия, но и противоречие между демократией и либерализмом – как экономическим, так и социальным. Более того, экономический либерализм с глобальными неконтролируемыми мировыми финансовыми рынками вкупе с социальным либерализмом, ставящим личность с ее интересами и желаниями выше интересов общества, разрушают социальные связи, которые помогли объединять общества, и, как следствие, также подрывают национальные государства – колыбели общества, демократии [14, р. 386, 388].

Социальные группы, доминирующие в политике, экономике и средствах массовой информации, ведут себя, замечает Р.И. Мюллерсон, как либеральные автократы по отношению к тем, кого они считают принадлежащими к толпе. Таким образом, существует не только недемократический (или авторитарный) либерализм, но мы также сталкиваемся с ростом либерального империализма, эвфемистически называемого «либеральным международным порядком», что придает дополнительный импульс росту националистического популизма. Либеральный империализм, т.е. попытки навязать либеральные ценности либо убеждением либо силой как универсальные ценности для всех и каждого, является тревожным сигналом для тех, для кого, скажем, коллективистские ценности, исторические традиции, стабильность или национальная независимость более или, по крайней мере, не менее важны, чем индивидуальные свободы [14, р. 396–398].

По-прежнему «Вашингтон пытается навязать своей военной мощью не эту довольно благородную международную нормативную систему, которая волей-неволей работала даже во времена холодной войны, и финансовое господство, но так называемый “основанный на правилах либеральный международный порядок”, т.е. порядок, основанный на правилах, установленных в Вашингтоне, который не имеет ничего общего с международным правом» [14, р. 399].

Сохранение такого подхода к межгосударственным отношениям приводит к современным международным кризисам. Среди таких проявлений кризисов, как терроризм, организованная преступность или дифференциация правовых подходов к изменению климата, следует выделить рост политизации международных от-

ношений и взаимосвязь международных кризисных явлений. Терроризм и международный терроризм покушаются не только на безопасность и благосостояние личности, но и наряду с иными формами организованной преступности воздействуют на правопорядок и все стороны и качество жизни народов, государств, национальных и международных регионов, отмечает Е.Г. Ляхов, профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД им. В.Я. Кикотя, вице-президент Российской Ассоциации международного права [5, с. 106; 6, с. 56]. По мнению А.Я. Капустина, «до настоящего времени попросту отсутствует не только адекватное международно-правовое регулирование, но и нет актов рекомендательного характера и даже так называемого “мягкого права”» [3, с. 43].

Развитие в международной системе концепций «мягкого права», рост значения резолюций международных организаций и международной юстиции и другие факторы так или иначе свидетельствовали об отходе от доктринального понимания нормы международного права, заложенного в 1945 г. в Устав ООН. Рекомендательный характер в международном праве имеет политическое, а не правовое значение. Все большее обращение государств к неправовым инструментам для урегулирования отношений позволило смягчать противоречия между ними, переводя их в плоскость политического «обсуждения» (пристрастий), но такая последовательная политизация международных отношений стала важной предпосылкой становления современного состояния международной системы.

США подменили международное право «порядком, основанном на правилах» как условием взаимодействия государств с ними, говорит в большей степени о подчинении национальной политики политике США, а не о появлении нового международно-правового явления. Хотя описываемая профессором политологии Чикагского университета Д. Миршаймером, теоретическая модель «порядка, основанного на правилах», и говорит фактически о простейших юридических конструкциях [13, р. 7, 9–11], в целом она является моделью политического взаимодействия особого рода, требующей самостоятельного определения [11, р. 223–224; 14, р. 399]. Следование политике США или любого другого государства, доминирующего среди государств, подчинившихся предложенному порядку, остается следованием политике, независимо от того, какую они выберут для этого правовую форму.

Система равной и неделимой безопасности

Нормативную основу системы международной безопасности составляет международное право. Несмотря на широкий спектр видов угроз международному миру и безопасности, суть системы международной универсальной коллективной безопасности, а также роль и функции ее участников состоят в ее обеспечении на основе принципов и норм международного права в соответствии с положениями Устава ООН [10, с. 168]. Суть принципа равной и неделимой безопасности в международном праве выводится исследователями из концепции всеобщей безопасности, заложенной в Уставе ООН [8, с. 15]. неделимость безопасности как условие системы международной безопасности признана в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 42/93 «Всеобъемлющая система международного мира и безопасности» от 7 декабря 1987 г., согласно которой: «В ядерно-космическую эпоху в условиях неразделимости («indivisibility») мира и безопасности во всех регионах мира и растущей взаимозависимости между странами вызовы нашего времени делают необходимым укрепление многостороннего сотрудничества во всех областях и сотрудничество в поиске путей и средств осуществления системы безопасности, предусмотренной в Уставе... Новое мышление, основанное на осознании того, что государства могут выжить лишь вместе друг с другом, а не против друг друга, должно руководить их действиями».

В системе международной безопасности, построенной на принципе равной и неделимой безопасности, безопасность каждого государства тесно связана с безопасностью других государств; государства не могут укреплять свою безопасность за счет ущемления безопасности других. Безопасность одного государства связана с безопасностью мира в целом по формуле: «безопасность одного – безопасность всех и безопасность всех – безопасность одного» [6, с. 55].

Вывод о том, что в основе системы международной безопасности лежит национальная безопасность государства, отражает государственнический уклон в теории, однако он имеет прочное методологическое значение в оценке состояния международной системы. Вопрос о достижении безопасности мирового сообщества путем нарушения безопасности государств имеет крайне негативную морально-этическую окраску и, по меньшей мере, не укрепляет целостность лежащего в основе системы правового механизма [там же].

В условиях современного состояния международной системы национальная безопасность государства заключается, в том числе, в его участии в системе международной безопасности [10, с. 174].

К вопросу о трансформации систем безопасности государства и мирового сообщества

Свидетельствует ли введение в международную систему моделей, подобных «порядку, основанному на правилах», об откате в цивилизационном развитии? Гиперполитизация международных отношений, крайнее расширение сфер международного взаимодействия, оперируемых категориями быстрой политики, в отрицательной коннотации приводят к открытому противостоянию политических интересов участников взаимодействия – предпосылке конфликта в международной системе. Идея создания «Мирового сообщества государств», где безопасность каждого из них добросовестно согласована с безопасностью других, выглядит более привлекательной в гуманистическом плане, даже при осознании, что учет интересов других объективно ограничивает государства в собственных стремлениях.

Такие характерные для описанной Д. Миршаймером модели порядка, основанный на правилах, меры по его поддержанию, как отказ государству во взаимодействии, применение мер воздействия на государство за несоблюдение этого правила, односторонняя констатация нарушения государством этого порядка, безусловно, деструктивно влияют на современную систему международных отношений, рассматриваемую в целом. В этом отношении, вероятно, следует говорить о попытке формирования в международной системе условно замкнутой межгосударственной системы, подчиненной собственному внутреннему политическому порядку, противопоставляемому иному. «Порядок, основанный на правилах» становится причиной кризиса международного права, считает Ю.Н. Саямов [9, с. 45]. Попытка унификации господства таким образом, по мнению Р.И. Мюллерсона, неизбежно приводит к геополитическим конфронтациям, олицетворением которых сегодня является СВО на Украине [14, р. 377].

В условиях современных кризисов международной системы понятия «справедливая война» или «легальная война» остаются категориями современного международного права. В то же время, отмечают И.С. Лялина, научный сотрудник сектора международ-

ного права Института государства и права РАН, и С.В. Королев, главный научный сотрудник этого же сектора, современная парадигма национальных военных доктрин «...осциллирует между двумя полюсами: условно милитаристской (гегемониальной) интерпретацией собственных военных операций на одном полюсе и их условно оборонительной интерпретацией на другом полюсе» [4, с. 27]. При этом оборонительная интерпретация военных операций может включать в себя аспекты военной инициативы, говорят авторы о примере концепции превентивной войны Израиля [4, с. 27].

Концепция государственной безопасности Израиля, как представляется, основывается на ст. 51 Устава ООН – неотъемлемом праве на индивидуальную и коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение [7, с. 3]. Тем не менее демонстрируемый Израилем приоритет собственной национальной политики, в том числе перед резолюциями Совета Безопасности ООН [там же], предупреждающее силовое воздействие Израиля на кластеры военных угроз, расположенные на территории сопредельных или просто недружественных государств, карательные операции вооруженных сил в ответ на военные удары по его территории и особенно по гражданскому населению, дают основания рассматривать концепцию превентивной войны Израиля «...как *casus specialis*, т.е. как особый случай мимикрии или контаминации милитаристской концепции (агрессивной) войны» [4, с. 27].

Региональные системы международной безопасности

В условиях изменения международной системы стремление государств к региональному взаимодействию видится объективным. Очевидно и возрастание роли обычных норм международного права, действующих в регионе.

Понятие «регион» в этом отношении имеет в современных условиях расширенное определение на основе комплекса политических, экономических, культурных, исторических и других признаков, где региональная идентичность определяется не столько географической близостью, сколько общностью интересов государств [2, с. 52].

Юридическое обоснование региональных систем безопасности, оправдываемое необходимостью учета региональных особенностей и интересов, основывается на ряде принципов Устава ООН о включенности таких систем в равную и неделимую универсаль-

ную – «всеобъемлющую» в терминах ООН систему поддержания международного мира и безопасности [2, с. 52]. О.Н. Мороз отмечает, что принцип равной и неделимой безопасности нашел достаточное отражение в документах региональных международных организаций, и обращает внимание на спорность ограничения неделимости безопасности в пределах международной организации взаимодействия государств на примере НАТО [8, с. 16–17].

Ю.Н. Саямов делает акцент на организационной форме взаимодействия государств, способной дать им возможность выйти из сферы внешнего давления и осуществлять политику в собственных интересах [9, с. 44–45]. В итоговой резолюции Международной научно-практической конференции «БРИКС в эпоху глобальных социальных трансформаций», проведенной 24 мая 2024 г. по инициативе факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, отмечен новаторский взгляд на платформенную сетевую модель для формирования нового равноправного многополярного мироустройства и справедливой глобальной системы управления, представленный в основном докладе академика А.А. Акаева [9, с. 46]. Платформа при этом понимается как базовая инфраструктура, посредством которой реализуются взаимоотношения между участниками сети (государствами), а сеть – как система децентрализованного управления. Платформы генерируют сетевые эффекты, а сетевые эффекты, в свою очередь, повышают ценность платформы. Чем больше пользователей у платформы, тем более ценной она становится [9, с. 46].

Ю.Н. Саямов выделяет четыре основные функции платформы: 1) привлечение участников; 2) координация, помогающая пользователям находить партнеров в тех или иных начинаниях и ускоряющая тем самым процесс взаимодействия и осуществления транзакций; 3) предоставление инструментов и сервисов для взаимодействия участников; 4) определение правил и стандартов, которым должны следовать участники [9, с. 48–49]. Правила взаимодействия на платформе устанавливают государства-члены, и они же должны внимательно следить за их соблюдением, используя уполномоченные ими сетевые структуры и не допуская внешнего вмешательства во внутренние процессы объединения [9, с. 47]. Платформа должна быть способной предоставить участникам своей сети возможность находиться в постоянной оперативной связи между собой для эффективного решения повседневных задач экономического развития и сотрудничества, осуществления взаимных плате-

жей и кредитно-финансовых проектов, обмена товарами, услугами и информацией без излишних барьеров и препятствий [9, с. 47].

Привлекательность сети может сдерживаться так называемым «эффектом ловушек», когда потенциальный новый участник отказывается от присоединения к сети, несмотря на желание воспользоваться ее благами и очевидными выгодами, опасаясь утратить преференции прежнего альянса и получить проблемы в связи с выходом из него. Именно это произошло в случае с Аргентиной, руководство которой не решилось на присоединение к БРИКС, опасаясь негативной реакции со стороны США, говорит Ю.Н. Саямов [9, с. 48]. Перспективы роста сети пользователей платформы зависят от выбора пути ее развития, отвечающего интересам группы, к которой принадлежат основные участники [9, с. 48–49].

Заключение

В настоящее время обеспечение безопасности каждого отдельного государства все более становится частью общего международного правопорядка. Безопасность любого государства зависит все меньше от количества и качества имеющегося у него оружия и все больше – от состояния международных отношений, полагает Г.Г. Шинкарецкая [10, с. 168]. Попытки доминирования в международной системе обостряют ценность, подчеркивает Ю.Н. Саямов, межцивилизационного равноправного диалога и дружественного партнерства [9, с. 50, 52].

Ученые-международники обращают внимание на необходимость международно-правовой стратегии по восстановлению международного порядка на основе уважения Устава ООН и общепризнанных принципов и норм международного права и восстановлению доверия между государствами [2, с. 52], на формирование всемирной «сети единообразного правового регулирования» на основе Устава ООН, других общепризнанных принципов и норм [10, с. 174].

В западной науке внимание распространяется на общественную обусловленность международного права. Международные правовые изменения, полагает профессор права в школе права Диксон Пун Королевского колледжа Лондона Т. Шульц, – это результат общественной и институциональной практики в отношении правовых норм [15, р. 649–668]. Нико Криш, профессор международного права Института международных исследований и исследований в области развития в Женеве, и Йылдыз Е., профес-

сор международных отношений Калифорнийского государственного университета, опуская общественную роль императивных норм международного права, международного договора и обычных норм международного права, выделили пять социально обусловленных факторов (путей) изменения международного права через: 1) односторонние действия и заявления государств, показывающие изменения их позиции; 2) многосторонние заявления государств в рамках международной организации; 3) заявления и решения международных организаций, не предполагающие участия государств в их принятии (бюрократический путь); 4) решения судебных и квазисудебных органов (судебный путь); 5) заявления (признанных) специалистов в личном качестве без учета принадлежности к государствам или международным организациям, часто в форме отчетов, технических руководств, стандартов и т.п. [12, р. 13–14].

Важным аспектом системы международной безопасности, обеспечиваемой средствами международного права, признается условие, принцип добросовестного выполнения международных обязательств – *pacta sunt servanda*. В международной системе, построенной на добросовестном выполнении государствами своих международных обязательств, проявляется важность средств разрешения международных споров [10, с. 174]. Система международной безопасности, рассматриваемая в такой зависимости, дает возможность говорить о формировании юридической плоскости безопасности – как особом правовом явлении – «юридическая безопасность государства» [1, с. 80].

Список литературы

1. Каламкарян Р.А., Мигачева Е.В. Международно-правовая значимость вклада России в деятельность Международного суда по обеспечению юридической безопасности стран – членов мирового сообщества // Криминологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 79–83.
2. Капустин А.Я., Боброва Ю.В. Международное право: между глобализмом и регионализмом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19, № 5. – С. 45–56.
3. Капустин А.Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1 (62). – С. 42–48.
4. Лялина И.С., Королев С.В. Проблематика справедливой войны в творчестве Св. Фомы Аквинского и Гуго Гроция // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 22–29.

5. Ляхов Е.Г. К истории контртеррористического взаимодействия правоохранительных элементов национально-правовых (внутригосударственных) и международно-правовой систем по поддержанию миропорядка (на примере международно-правовых акций правоохранительных органов СССР) // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 2. – С. 105–111.
6. Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е., Смирных С.Е. Безопасность личности и борьба с транснациональной преступностью // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 54–60.
7. Манин Я.В., Климашина А.Е. Государственная безопасность Израиля: международный и национальный правовые аспекты // Национальная безопасность/Nota Bene. – 2023. – № 2. – С. 1–19. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39932 (дата обращения: 11.07.2025).
8. Мороз Н.О. Принцип равной и неделимой безопасности в современном международном праве // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 1. – С. 14–23.
9. Саямов Ю.Н. Новые форматы и горизонты международных отношений // Международная жизнь. – 2024. – Август. – С. 44–55.
10. Шинкарецкая Г.Г. Международно-правовые основы национальной безопасности // Государство и право. – Москва, 2024. – № 4. – С. 167–75.
11. Dugard J. The Choice Before Us: International Law or a «Rules-Based International Order»? // Leiden Journal of International Law. – 2023. – Vol. 36, N. 2. – P. 223–232.
12. Krisch N., Yildiz E. The Dynamics of International Law Redux // The Many Paths of Change in International Law. – Oxford, 2023. – P. 3–32.
13. Mearsheimer J. Bound to Fail: the Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. – 2019. – Vol. 43, N 4. – P. 7–50.
14. Mullerson R. On Some Geopolitical and Societal Tendencies Threatening Peace and Stability // Chinese Journal of International Law. – 2023. – Vol. 22, N 3. – P. 375–408.
15. Schultz T. International law in the minds: On the ideational basis of the making, the changing, and the unmaking of international law // Leiden Journal of International Law. – 2024. – Vol. 37, N 3. – P. 649–668.
16. The Term «Rules-Based International Order» in International Legal Discourses / Vylegzhanin A.N., Neverov B.I., Voronin E.R., Magomedova O.S., Zotova P.K. // Moscow Journal of International Law. – 2021. – N 2. – P. 35–60.